

Къ біографіи Н. А. Некрасова.

"Историческій вѣстникъ", 1891. Т. 43, No 2.

[OCR Бычков М. Н.](#)

<http://az.lib.ru>

Почти во всѣхъ біографіяхъ извѣстнаго поэта Н. А. Некрасова разсказывается, что на него лично и на его литературную дѣятельность имѣла сильное вліяніе нищета, будто бы перенесенная имъ въ Петербургѣ, въ дни юности, и доходившая до того, что онъ, не имѣя средствъ заплатить за бѣдный уголь, былъ выгнанъ на улицу, и дрогнувъ отъ холода, что въ этомъ безпомощномъ положеніи надъ нимъ сжалился какойто нищій, который увелъ его съ собою въ отдаленный ночлежный пріютъ, гдѣ Некрасовъ добылъ себѣ кусокъ хлѣба, составилъ прошеніе и получивъ за него 15 копѣекъ и т. п.

Не рѣшаясь опровергать такую яркую картину, я хочу разсказать здѣсь лишь о моемъ случайномъ знакомствѣ съ Некрасовымъ именно въ то время, когда онъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ. Разсказъ мой будетъ очень коротокъ, потому что я самъ былъ тогда почти ребенкомъ, не могъ предвидѣть, что Некрасовъ сдѣлается впослѣдствіи извѣстностью, не обращалъ на него вниманія и не сохранилъ въ своей памяти никакихъ подробностей.

Отецъ мой, извѣстный въ свое время писатель и патріотъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, встрѣтился съ Некрасовымъ въ 1839 году у своего кума Н. А. Полевого, заинтересовался имъ, и, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, предложилъ ему учиться у него французскому языку. Съ этого дня, Некрасовъ сдѣлался частымъ посѣтителемъ нашего дома. Какъ теперь вижу его, передъ столикомъ, читающаго по-французски вслухъ съ забавнымъ выговоромъ. Некрасовъ скоро сошелся съ старшимъ братомъ моимъ С. С. Глинкой (еще живымъ до сей минуты) и поселился вмѣстѣ съ нимъ на углу Невского проспекта и Владимірской улицы, въ домѣ занятомъ теперь гостинницей "Москва". Они занимали въ третьемъ этажѣ нѣсколько комнатъ, прилично убранныхъ собственной мебелью, перевезенной братомъ съ старой квартиры на Литейной, гдѣ у него была типографія. Вся мягкая мебель была обита матеріей краснаго цвѣта; упоминаю объ этомъ потому, что по отъѣздѣ моего брата изъ Петербурга, Некрасовъ, при встрѣчахъ со мной, постоянно требовалъ эту мебель, хотя, по словамъ брата, она вовсе ему не принадлежала. Когда я заходилъ къ брату, то, большею частью, заставалъ Некрасова лежащимъ на диванѣ; онъ постоянно былъ, или казался, угрюмымъ и мало разговаривалъ. Помню, что въ то время онъ написалъ стихами афишу для "Кабинета восковыхъ фигуръ", помѣщавшагося у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта. У меня даже осталось въ памяти нѣсколько стихивъ изъ этой афиши:

"Иванъ Ивановичъ Штейнигеръ

"Съ саженой бородой:

"Онъ былъ въ нѣмецкомъ городѣ

"Когда-то головой!

"Вотъ и Вильгельмъ Васильевичъ

"Тель, парень удалой,

"Онъ храбро дрался съ нѣмцами

"За городъ свой родной!"

За составленіе афиши Некрасовъ получилъ двадцать пять рублей. Плодомъ занятій Некрасова французскимъ языкомъ былъ переводъ драмы "La nouvelle Fanchon" подъ заглавіемъ "Материнское благословеніе", имѣвшей большой успѣхъ на русской сценѣ и долго не сходившей съ репертуара. Помню, что Некрасовъ срѣзался на вступительномъ экзаменѣ, въ университетѣ, чуть ли не изъ закона Божія, и по этому поводу, съ горя, было выпито полъ-ведра водки въ обычной компаніи сожителей, состоявшей изъ артистовъ Александринскаго театра: Самойлова, Мартынова, Максимова и др. Съ братомъ моимъ Некрасовъ прожилъ съ 1839 по 1841 годъ и въ это время, могу удостовѣрить, ни въ чемъ особенно не нуждался; впослѣдствіи же, работая для театра и участвуя въ журналахъ, онъ тѣмъ менѣе